

Вадим Чернышев

Модерация

*Стремись не к тому,
чтобы добиться успеха, а к
тому, чтобы твоя жизнь
имела смысл.*

Альберт Эйнштейн.

Глава 1. Инцидент

Локация: Антарктида.

Земля Королевы Мод, спустя сто лет после атаки на эскадру контр-адмирала ВВС США Ричарда Бэрда в 1947 году неизвестными летательными аппаратами, давно перестала быть центром внимания всего мирового сообщества. Да и, к слову сказать, эта новость была настолько шокирующей и неправдоподобной, что человечество попросту отказывалось в неё верить. И никакие документальные свидетельства не могли поколебать веру землян в свою уникальность во Вселенной.

После описания летающих тарелок, якобы вынырывающих из воды и наносящих мгновенные удары по кораблям смертоносными лучами, многие

военные ведомства всерьез озаботились проблемой технической оснащённости своих вооружённых сил, а слухи, что нацистам всё-таки удалось создать оружие возмездия на основе взятых технологий, только усилились. Но последующие экспедиции так ничего и не нашли, кроме рванного немецкого обмундирования и кладбища советских летчиков, на могилах которых вместо крестов были установлены лопасти самолетов.

Эта давняя история уже мало кого интересовала в 2047 году, в разгар космических технологий. Ещё бы, объединение международных усилий и создание Всемирного космического Агентства позволили утроить усилия ученых по созданию уникальных орбитальных станций, многофункциональность которых наконец-то показала населению планеты колоссальные практические выгоды от инвестиций в исследования.

Антарктическая российская станция «Новолазаревская» готовилась встретить наступление полярного дня с размахом. И неудивительно. Задачи, которые стояли перед персоналом на ближайшие месяцы были поистине грандиозными. Проект под названием «Enigma», запущенный семнадцать лет назад, считался самым амбициозным на планете. Одних только международных институтов к его осуществлению

было привлечено больше чем к любому проекту за всю историю Земли. Уровень секретности работ был запредельным. Каждой разработке, каждому шагу и действию предшествовал жесткий отбор специалистов, оборудования и условий хранения информации. Концепция генерации реликтового излучения в околоземных условиях и применения его на практике произвела в 2030 году фурор, когда амбициозный, двадцативосьмилетний физик из Санкт-Петербурга, Дробышев Иван Данилович, выдвинул её на всемирном симпозиуме в Торонто. Свои разработки в тот момент молодой гений мог подтвердить только теоретическими расчетами, но и этого оказалось достаточно, чтобы материалы были строго засекречены ещё до окончания высокого собрания. Любопытство научного мира вызвало не столько, каким образом и где русские смогут достать источник излучения, но и способы его преобразования в требуемые технические параметры для применения. До этого момента данный феномен считался само собой разумеющимся и вызывал интерес исключительно как объект наблюдения. А тут такое!

Области применения данного вида фотонного излучения были настолько обширны, что создавались дополнительные институты, занимающиеся подготовкой к реализации новых возможностей. Одним из направлений

использования искусственной установки по генерации реликтового излучения было глубинное сканирование объектов, территорий и близлежащего космоса. Притом картинка, которую выдавал такой луч, должна была произвести фурор. От сканирования не могло утаиться ничего. Дополнительным плюсом эксперимента являлось то, что данное излучение практически совершенно безвредно и не влияет на живые организмы или химический состав неживой материи. Во всяком случае, так предполагалось теоретически. Ведь практические доказательства решено было представить именно в районе станции «Новолазаревская» на испытательном полигоне Земли Королевы Мод, Антарктида. Как объясняли всему мировому ученому сообществу, место испытания было выбрано из-за отсутствия населения на данной территории, возможности «заглянуть» под многокилометровую толщу льда и собственно для чистоты эксперимента. Установка под одноименным названием «Enigma» монтировалась на орбите на протяжении трех последних лет и к 2047 году представляла собой внушительных размеров беспилотную орбитальную станцию с управлением из ЦУП. Орбитальная стратегическая группировка космических сил Российской Федерации обеспечивала защиту станции от околоземного мусора и мониторинг

метеоритных дождей.

Испытание луча было намечено 1 ноября 2047 года, на 12.00 по Гринвичу. Иван Дробышев уже как три месяца был в Центре управления полетами и, судя по его виду, спал мало. Ни крепкий кофе, ни стимуляторы уже не помогали. Волею судьбы он оказался на пике самого грандиозного проекта планеты и двухчасовой сон был для него в эти минуты непростительной роскошью. Его друг и коллега, Емельянова Анелина Павловна, делала всё возможное, чтобы Иван отдыхал при первой возможности. Будучи выдающимся инженером, специализирующимся на космическом оборудовании, Емельянова сделала невероятное при создании станции «Enigma». Если можно было выжать все возможности инженерии того времени для воплощения идеи орбитального сканера, то Анеле принадлежало восемьдесят процентов этого процесса.

Антарктида встретила эти идеи с холодком. Минус пятьдесят по Цельсию и снежные бураны делали подготовку полигона весьма затруднительным занятием. Арктические боевые скутеры класса «Багратион 5» то и дело выходили из строя из-за эфирных помех и непредвиденных проблем, как ком сыплющихся на экспедицию. Люди были на пределе человеческих возможностей, а полярная ночь за плечами сказывалась как

никогда.

— Ерёмин! Ерёмин! — кучерявая голова Дробышева на экране коммутатора пыталась докричаться сквозь помехи и тысячи километров, разделявших станцию и центр — Игорь, ты меня слышишь?!

— Да, Иван Данилыч, слышу! — Игорь Игоревич Ерёмин, глава российской экспедиции, укутанный в толстый шарф, с кружкой горячего шоколада бессильно смотрел на экран, понимая, что его не видят и не слышат.

Снежная буря разыгралась не на шутку, и казалось, только чудо поможет наладить связь. Сзади открылась дверь и в комнату вбежал щенок породы «подзаборная пушистая помойка». Весело виляя хвостом, пёс залаял на хозяина в надежде получить угощение.

— Ерёмин, это кто там лает у тебя, Шарик? — прозвучало из колонки коммутатора.

— Ну конечно, человеческой речи ЦУП не слышит, только лай, — удивленно и не без горечи пробормотал полярник.

— Я это слышал, — улыбаясь, сказал физик — что у тебя?

— Группы на местах, маркеры подключены, — ответил Игорь — сейчас хочу сам туда выдвигаться. Погода так и шепчет, поэтому могу только наземным транспортом.

— Смотри, помнишь параграф 42 по аномальным явлениям? Так вот, с сегодняшнего дня он отменяется на территории полигона. Всё наблюдение снять и на время испытаний охрану вывести. Оставить только макеты и беспилотники. Думаю что это не лишние меры предосторожности, не дадим экологам ещё раз повод для упреков. А то умрет какой-нибудь кит, а он обязательно умрет, обвинят сразу нас. Так что пусть клеветают, а наших всех уברי, как понял?

— Принял, Иван Данилыч! Мои датчики говорят о непонятных энергетических всплесках в районе полигона. Сейсмическая активность льдов повысилась и пингвины свалили. Прямо какой-то птичий переполох. И главное вообще никаких четких показателей, ни температурных колебаний, ни излучений, ни свечений, ничего! — Ерёмин заметно нервничал.

— Ну, вот и посмотрим через три дня на причину этого переполоха, — серьезно сказал ученый — а пока смотри на мониторы не мигая и все сообщай мне лично, по рукам?

— По рукам, конец связи!

Полярник посмотрел на стену, где красовалась его фотография на фоне лежбища тюленей Росса, сделанную им при высадке на антарктический берег. Императорские пингвины, обитающие в этих местах, были фоном другой фотографии двухлетней

давности.

— Господи, как время бежит! — подумал исследователь и пошел одеваться на выход.

Скутер на антигравитационной подушке неподвижно завис в ангаре готовый к выезду. Эргономика внутреннего пространства машины напоминала о доме. Фотографии и личные вещи друзей, привезенные из отпуска, небрежно валялись в заднем отсеке. Видимо парни вечером играли в «дурака» здесь, дым от сигарет ещё не выветрился.

— Приеду, дам по шее, — выругался Ерёмин и потянулся к системе зажигания.

«Багратион 5» взял курс по направлению к плато Вегенерисен. До полигона был час «езды». Отдать должное этим машинам, они прекрасно справлялись с трудностями пути в любой ситуации. Навигатор, встроенный в систему управления всегда прокладывал оптимальный маршрут и находил безопасный путь с учетом быстроменяющейся погоды шестого континента. Полярник задал курс, ввел параметры безопасности на уровень «максимум» и дал автопилоту команду старт. Скутер мягко тронулся в правильном направлении, а за окнами видимость упала до нуля. Иногда стоит отдать должное машинам, глаза им ни к чему. Исследователь прошел в задний отсек и укутавшись в плед заснул. Необходимо было использовать каждую возможность для отдыха, и

час пути до полигона под урчание двигателя было грех не использовать на сон.

Название «полигон» место имело условно. На самом деле это было открытое место, напичканное датчиками, макетами зданий, старой техникой, немислимым количеством научного оборудования различного назначения. При первом орбитальном сканировании поверхности Земли реликтовым излучением, необходимо будет снять как можно больше показателей о воздействии процесса на окружающую среду и понять адекватность и точность полученных результатов. Некоторые строения и объекты были намеренно помещены под толщу льда, и задача сканера состояла не только их обнаружить, но и дать четкие характеристики химического состава, физических характеристик и даже биометрических показателей живых организмов. Для этой цели в одном из помещений подо льдом разместили несколько подопытных животных в комнатах с различным экранированием. Станция на орбите должна идентифицировать каждую особь и дать анализ её состояния. Помимо этого ученые рассчитывали, что облучение даст куда более глубокий срез данных, включающий сведения о тектоническом состоянии пород под ледяной шапкой. Остальные аспекты исследования были засекречены.

Сканирование предполагалось производить в

режиме «Узкий луч» чтобы минимизировать район исследований и повысить их эффективность. Но с учетом расстояния с орбиты, поле покрытия луча было значительным и занимало пять километров в диаметре. Как бы ни старались ученые и инженеры, добиться более узкого диаметра данного вида излучения они не могли. Поэтому предполагалось поначалу реестровое облучение площади полигона, а потом луч будет увеличен в размерах с определенной прогрессией, чтобы понять взаимосвязь интенсивности воздействия и видимых результатов.

Когда полярник вышел из вездехода, его уже ожидала группа специалистов у входа в дежурный бункер. Буря немного стихла и глава миссии мог разглядеть на усталых лицах сотрудников легкие улыбки. Всегда приятно осознавать себя причастным к великому, особенно если тебе это удастся. Персонал полигона состоял из тридцати семи человек. Малочисленность объяснялась тем, что в полярную ночь большинство работающих исследователей шестого континента покидает материк и разлетается в более теплые края. Остается лишь дежурный состав. Именно на плечи этого контингента и выпала честь провести эксперимент и минимизировать риски в случае если что...

— Ну что, бедолаги, готовы? — пошутил

Ерёмин — сутки на окончательный контроль функционирования и валим отсюда на базу. Забирайте всё отсюда личное, возможно... да всё возможно. Давайте, за работу.

Люди суетливо направились по своим рабочим местам. Было не до разговоров, каждый понимал, второго раза может и не случится. Семнадцать лет мир ждал этого момента.

Бункер был мрачным, но теплым и потому уютным. Связь с ЦУП здесь всегда идеальна из-за огромного количества передатчиков. Электронику не вмонтировали только в унитаз. Коридоры, ведущие вглубь горы и лифты вниз на десятки этажей, говорили об огромных средствах, инвестированных в эксперимент. От полигона бункер находился достаточно далеко и его расположение гарантировало безопасность. Но приказ есть приказ и все торопились завершить работу. Сутки перед экспериментом требовали только контроля оборудования, а значит, можно было смотреть на индикаторы одним глазом. В принципе, работа, проведенная в последние годы по подготовке полигона, считалась выполненной, что не могло не воодушевлять. Теперь все ждали луч и старт программы по сбору и обработке информации. Именно поэтому станция «Новолазаревская» с таким размахом готовилась к новому полярному дню. Он обещал быть долгим и

насыщенным.

День 1 ноября 2047 года выдался на удивление спокойным в плане погоды. Ни магнитных бурь на орбите, ни снежных в Антарктиде не прогнозировалось. Разумеется, ученые всего мира увидели в этом добрый знак. Персонал антарктической станции был на местах, приборы работали исправно.

Дробышев и Емельянова стояли позади ведущих специалистов, выводивших космический аппарат «Enigma» на стационарную орбиту в нужные координаты. Параметры были в норме, связь идеальной. Корабли сопровождения российских космических сил были в визуальной близости от беспилотника. Казалось, сама природа замерла в ожидании.

Ровно в назначенное время станция выпустила луч по указанным координатам и приступила к сканированию полигона. Непрерывный поток данных с «Enigma» в первые же минуты обратил всех в восторг. Результаты в разы превосходили даже самые смелые ожидания. Перед глазами ученых пошла первая визуализация района с детальной расшифровкой всех объектов, начиная от кромки льда и до пятидесяти километров вглубь поверхности планеты. Фиксировалась каждая мелочь, живые объекты были выделены в особый статус информационного «доклада» искусственного

спутника с четкими биологическими показателями. Две минуты и семнадцать секунд человечество ликующе осознавало что происходит, как все экраны погасли, связь прервалась, поступление информации прекратилось. В Центре управления полетами воцарилась тишина.

Связь оставалась только по военным каналам с космонавтами на орбите.

— Сергей, что там случилось, почему всё пропало? — говорил в микрофон Дробышев — где картинка? Где данные? Ответьте!

Космонавт на том конце связи видимо замешкался. Было слышно его дыхание и то, что он решает, какие именно действия сейчас предпринять.

— Нас атаковали, — голос полковника был взволнован — «Enigma» уничтожена.

Полковник космических войск Российской Федерации Сергей Владимирович Плющ был не из робкого десятка, но видимо то, что произошло, было действительно трудно описать сразу и четко.

— Иван, переключись на канал 3.8.1., пожалуйста, — добавил офицер.

Физик перешел в отдельную комнату и включил зашифрованный канал.

— Что у тебя? Как уничтожена?! — ученый не мог поверить в происходящее — ракетой? Кем?!

— Лучом. Иван Данилович, лучом. Притом не

просто уничтожена. Она превращена буквально в космическую пыль. Источник атаки, ты не поверишь, полигон! Оттуда вышел луч, мы засекли его датчиками. Как иголочка, диаметром не больше десяти сантиметров, а может и того меньше. Четко попал в двигатель. Сначала, буквально секунду, станция нагревалась, затем оплавилась и рассыпалась в пыль.

— Это невероятно, этого не может быть! — Дробышев все ещё отказывался верить, что многолетние труды по реализации проекта закончились вот так.

— Мы вели съемку, и есть показания приборов. Сначала мы думали, что энергетический всплеск в районе полигона — результат облучения, но потом когда поняли что это не так, было уже поздно.

— Подожди, Сергей Владимирович, ты хочешь сказать, что нас атакowali с Земли непонятным лучевым оружием, да ещё с нереальными параметрами?

— Да, именно так. Топосъемка с орбиты средствами армады ничего не показала. Наши уже выслали в район полигона спецгруппу. Но не уверен, что они там что-нибудь найдут. Мы на этом полигоне работали столько лет и не заметили лучевой пушки противника? Бред!

— Какая лучевая пушка? Фантастики

насмотрелся? Нет у землян никаких лучевых пушек.

— Ты прав, Данилыч, у землян нет.

— Что ты имеешь ввиду? Нас атаквали с Земли инопланетяне?

— Я ничего не имею ввиду. Хоть я не физик, но знаю одно. Таких технологий нет ни у одной страны сейчас. Даже вы с вашими возможностями не смогли создать луч такого диаметра, а о разрушительной силе я вообще молчу. Там подо льдом что-то есть.

Дробышев молчал. При всей невероятности ситуации, против фактов не попрешь. «Enigma» уничтожена. Уничтожен не только труд десятков институтов, но и единственный источник реликтового излучения, добытого на астероиде в тысячах километрах от Земли невероятными усилиями и отчасти благодаря везению. Вся схема продвижения данной технологии рухнула. И выхода из этого тупика Иван не видел.

— Сергей Владимирович, перешли мне данные по эксперименту как можно скорее, — сказал физик полковнику.

— Есть. Конец связи.

Глава 2. Первый контакт

Локация: Киев.

Крещатик горел праздничными рождественскими огнями. Народ, пьяный от предвкушения праздника и горячего глинтвейна, сновал по магазинам, выгребая всё с прилавков на подарки родным и близким. Мягкий, падающий снег придавал всему происходящему сказочные оттенки.

Анелина накрывала стол, когда её телефон издал надрывной звук и призвал хозяйку к ответу. Откровенно говоря, рингтон был мерзким, но звонким.

— Саша, возьми трубку, — заголосила Емельянова, вытягивая шею к проходу в соседнюю комнату, где её муж беспечно читал журнал.

— Сама возьми, я занят, — ответил он, не отрывая от страницы взгляд.

— Придёт война, попросишь хлеба, — бормоча себе под нос, женщина пошла к телефону.

— Алло, говорите.

— Анеля, привет, это Дробышев. Я уже в Киеве. Ну, что, сразу к вам или купить что-то в магазине? — прозвучало из аппарата.

— Ничего не надо, дуй к нам, ждем.

— Хорошо! Лечу!

Через полчаса в дверь позвонили. Муж Емельяновой Александр открыл дверь и расплылся в улыбке.

— Иван приехал! — крикнул он в комнату через плечо.

Гость протянул бутылку шампанского хозяину дома и они по-мужски обнялись.

— Ну, наконец-то! Уж не чаяли увидеть такого человека в гостях, — Анелина, вытирая руки о полотенце, поспешила обнять друга и соратника.

— Не вводи в краску, обычный мешок с костями и немного амбиций, — отшутился гений.

— Не нарывайся на комплимент, проходи. Вот твоя комната. Праздновать будем через час. А пока располагайся, — Емельянова показала гостю куда проходить.

— Как ты? — с опаской спросил Дробышев коллегу.

— Нормально, цвету и пахну!

После инцидента в Антарктиде Анелина была в депрессии. Единственным утешением была её семья, и Дробышев это понимал. Между ними давно назревал разговор и каждый знал, что от результатов этой беседы зависело будущее их сотрудничества. Именно по этой причине Иван принял приглашение семьи Емельяновых отпраздновать Новый год вместе в Киеве. Обеими сторонами предполагалось, что атмосфера

праздника сгладит шероховатости общения между собеседниками.

Муж Анелины, понимая ситуацию, вышел из комнаты. Когда ученые остались одни, первой разговор начала женщина.

— Иван, давай по чесноку, я понимаю, что ты связан обязательствами о неразглашении, но кое-что я должна знать.

— Спрашивай. Всё, что смогу пояснить — поясню.

— Я же не дура и прекрасно понимаю, почему для испытаний выбрали полигон в Антарктиде. Сразу как его начали там строить, я смекнула, что кое-кто захотел заглянуть куда не следует и увидеть то, что не должно существовать в принципе.

— Да, ты не дура, — с улыбкой поддержал её физик.

— И ты знал об этом?

— Догадывался. Но я ученый и догадки не входят в мою компетенцию.

— Я думала, тему эскадры Бэрда оставили десятки лет назад.

— Не совсем так. Эта тема была косвенной. Земля Королевы Мод не единственная аномалия на планете. Её просто выбрали из многих.

— Кто выбрал? — без особой надежды спросила Анелина.

— Если честно, понятия не имею, кто за этим

стоит. Да и какая разница. Я был одержим лишь результатами эксперимента. Мне всё равно было, из какого района начинать. Но клянусь, я не ожидал такого и даже предположить не мог. Я в таком же шоке, как и ты.

— Я тебя ни в чем не виню и буду дальше продолжать работу.

— Ты не уходишь из проекта?! — с ликованием, присущим ребенку спросил Иван.

— Разумеется, нет, как ты мог такое подумать? Я просто хочу, нет, я требую больше информации о происходящем, — сказала Емельянова и её кулаки сжались.

— Будет тебе информация. Я записал тебя в международную группу по расследованию инцидента. На основе её работы нам откроют финансирование на создание второго прототипа, — глаза Дробышева сияли.

— Я тебя прикончу, — захлебываясь от восторга, сказала его собеседница — и ты молчал?!

— А вдруг бы ты отказалась, — уже засмеялся физик.

— Когда начинаем работать?

— Ну, уверен, выпить в новогоднюю ночь мы успеем.

После откровенного разговора и такого подарка на Новый год, настроение у всех было выше Эвереста. Шутки сыпались невпопад, радости

не было предела. Грандиозные планы опять замаячили на горизонте, и тосты были один оптимистичней другого. И хотя идет молва, что физики пьют до потери сопротивления, на наших героев это не распространялось. В назначенный час все разошлись по комнатам и легли спать. Впереди всех ожидал необычный, насыщенный событиями 2048 год.

Выдающийся российский ученый, член Академии наук, Дробышев Иван Данилович спал крепким сном, и снились ему странные вещи. Бескрайние снежные равнины Антарктики уходили за горизонт. Странного вида строения возвышались над уровнем льда. Яркий контраст архитектурных решений не напоминал ничего ранее виденное ученым. Между строениями то и дело перемещались машины, напоминающие светящихся черепах. Черные силуэты, похожие на людей, возникали то тут, то там и исчезали из поля зрения.

Тишина стояла оглушительная, не было слышно ни ветра, ни машин, ни других звуков. «Люди» общались между собой, но слова не долетали до ушей профессора. И вообще было ощущение полного присутствия и очевидной логики происходящего. Физик отчетливо понимал, что спит, но с любопытством наблюдал за суматохой. А если учесть, что сны в его жизни были явлением скорее исключительного порядка,

то он явно получал удовольствие от представления.

— Что скажете, профессор? — раздался голос справа от ученого.

Рядом с Дробышевым стоял невысокого роста мужчина, с темными волосами и пронзительным, но теплым взглядом.

Ученый, с его ростом под два метра, карими глазами, белой кожей и кучерями на голове, был явным антиподом собеседнику.

— Здравствуйте, — растерялся профессор.

— Здравствуйте, — серьезно сказал персонаж из сна.

— А вы кто? И вообще где я? Это же сон?! — вопросы сыпались изо рта гения науки, как из рога изобилия.

— Вы в Антарктиде. Недалеко от вашего полигона. Сейчас 1587 год по вашему летоисчислению. Как видите, они монтируют оборудование.

— Простите, что?! Я в прошлом? Господи, голова кругом. Ну и сон. И всё же, кто вы?! — не унимался Иван.

— Имя моё вы не произнесёте всё равно, Вам просто нечем это сделать. Мы слишком разные во всех смыслах этого слова. А меня можете называть Модератор.

— Модератор чего?

— Модератор вашего мира, вашего кластера,

ваших условий существования, всего, что можно назвать вашим, в общем.

— Я сплю?

— Нет. Вы находитесь в пограничном состоянии. Думаю, вам не надо объяснять, что это такое.

— Да, но...

— Иван Данилович, вы первый человек с кем я общаюсь за всю историю человечества. Меня к этому вынуждают обстоятельства. Так получилось, что вы постучались в мою дверь. Выражение фигуральное конечно, но из песни слов не выкинешь. Так, кажется, люди говорят.

— А вы не люди? — академик пытался сосредоточиться на услышанном, не веря в происходящее.

— Нет, я вообще не из вашего мира. Но всему своё время. Я вышел на контакт не случайно. Нам предстоит друг друга понять, иначе последствия будут непредсказуемы. Ваши действия попали под мой контроль. Я вынужден принять меры. В мои обязанности входит, чтобы некоторые процессы не выходили за рамки, а первого ноября уже прошлого года, это произошло. Теперь надо превратить минус в плюс и сосуществовать дальше мирно и спокойно.

— Мы отсканировали вашу базу?

— Нет, не нашу, но и не вашу. Это база инопланетного происхождения, но вы не должны

были увидеть даже её. Черета событий, нами называемая «диссонанс», иногда случается. Мы не имеем право упорядочить ход событий по своему усмотрению, поэтому реагируем иногда не на причину, а на следствие.

— Там пришельцы?! — Дробышев ахнул.

— Нет, там их база. И она стоит на автоматической защите. Шанс, что цикл сработает на реликтовое излучение был мизерным, и я надеялся до последнего, что он нереализуем. Но всегда есть вариант диссонанса. По каким-то причинам защита активизировалась и ваш комплекс был уничтожен. Сейчас я сам ищущу причины и мне нужны ответы.

— А вы разве не всё знаете?

Модератор улынулся: — Всё знать — моя цель здесь, но об этом позже.

— Так кто вы? Откуда и сколько вас? И кто эти люди вокруг? — физик понимал, что это не может быть игрой его воображения.

— Предлагаю сделать так. Вот вам координаты, где я вас буду ждать ровно через десять дней. Пожалуйста, прибудьте в назначенную точку без промедлений.

— Но как я пойму, что это всё мне не приснилось?

— Вы какой торт любите?

— Что? Не понял.

— Иван Данилович, какой вы торт любите?

— Киевский. Он мне всегда нравился.

— Ну, тогда утром загляните к Анелине в холодильник и сами убедитесь, что это не сон.

Картинка исчезла и физик погрузился в черную пустоту ночного отдыха.

Утром, его разбудили восклицательные возгласы из кухни. Физик вышел на звук и протирая глаза ото сна спросил что происходит.

— Никогда не видела такой киевский торт — улыбаясь, ответила ему Емельянова — какой-то новогодний розыгрыш что ли? Где ты его купил? И главное подложил так незаметно в холодильник.

В руке у инженера был свежий киевский торт, но вместо обычного, стандартного узора, на поверхности кремом были нанесены координаты места, упомянутые Модератором во «сне».

Дремоту Дробышева сняло как рукой.

— Анеля, мне надо позвонить в центр, — сказал он как в забытьи, — срочно! И ещё, собирайся, мы летим в Антарктиду.

Немая сцена с тортом в руках ещё долго стояла перед глазами профессора, но что-либо объяснять не было времени.

Глава 3. База

Локации: Киев, Антарктида.

Рейс Киев — Антарктида вы не найдете ни в одном расписании. Да и вряд ли вы знаете телефон, по которому можно позвонить на шестой континент. И, тем не менее, такой рейс есть. И заказать место в самолете можно по телефону, если знать правильные цифры и что говорить. По междугородней связи Дробышев набрал обычный с первого взгляда городской номер. Судя по коду, это могла быть рядовая квартира или учреждение в городе Новосибирск.

— Стол заказов, слушаем Вас, — раздался приятный женский голос.

— Здравствуйте, можно заказать два места на рейс до Луанды.

— Одну минуточку, на кого принимать заказ?

— Погорелов и Кравченко — серьезным голосом сказал физик.

Анелина, стоявшая рядом, только глазами хлопала.

— Откуда трансфер? — продолжал все тот же голос.

— Из Киева.

— Ожидайте, билеты вам доставят на дом.

На этом связь прервалась.

— Погорелов и Кравченко?! — удивленно спросила коллега.

— Чем тебе фамилия не нравится? Я хотел сначала окрестить тебя Злюкова, но подумал, что ты не оценишь, — съязвил Иван.

— То есть ты заранее всё предвидел? Что я соглашусь, что полечу, что...

— Нет, тысячу раз нет, — перебил её Дробышев — я практически ничего не знал, не предполагал и вообще, будь у меня хоть капля способностей предвидеть, разве бы мы потеряли станцию?

— Логично. Почему такая спешка? В Антарктиду, немедленно, ты использовал закрытый канал. Секретность и эта, как её, Кравченко...

— Если скажу, ты меня в дурдом сдашь.

— Ты считаешь, что я недооцениваю уровень твоего сумасшествия?! Все гении не от мира сего.

— По поводу не от мира сего вся катавасия сейчас и твориться. Я не покупал этот торт.

— Что?

— Я не покупал этот торт. Определи координаты на нем, где именно это?

— В Антарктиде, ежу понятно.

— Я знаю, мне точно понимать надо. Мы туда летим с тобой.

— Кто отдал такое распоряжение? Какова цель миссии?

— Если бы я знал, Анеля, если бы я знал.

— Ты меня пугаешь, Иван. Что вообще происходит?

— Координаты определила?

— Да — Анелина сидела за компьютером в полном недоумении, — это же предполагаемая точка атаки. Военные сказали, что луч был из этого района, но они ничего там не нашли. Откуда у тебя эти координаты? Откуда торт?

— Давай так, я тебе расскажу, как было, но поклянись, что это умрет с тобой!

— Тебе моих допусков не достаточно?!

— Мне кажется, что все наши допуски скоро будут детскими игрушками, обещай мне.

— Иван, клянусь, что все останется между нами, говори.

Дробышев рассказал весь «сон» в подробностях, от базы 1587 года до появления торта с координатами.

Коллега долго молчала.

— Знаешь, Дробышев, если бы я тебя не знала, то психушка тебе была бы гарантирована. Но видимо нам действительно надо срочно на южный полюс.

Самолет авиакомпании «Такой не существует» с группой аккуратно подстриженных, спортивного вида «исследователей Антарктики» совершил промежуточную посадку на пути к

станции «Новолазаревская». Возглавлял специалистов летчик-космонавт, недавно вернувшийся с орбиты, полковник Плющ Сергей Владимирович. Ему было поручено сопоставить данные по инциденту, полученные из космоса с рекогносцировкой на месте. Опять судьба свела ученых и военных за работой над общим проектом.

— Иван, все хотел тебя спросить, а зачем на городской звонил? У тебя твой коммуникатор на зашифрованном канале. Там переполох устроили, думали тебя враги схватили, — засмеялся полковник. Их места на борту были рядом и эта была редкая возможность обсудить всё с глазу на глаз.

— Не знал, что ты уже на Землю вернулся. А лишний раз беспокоить первого января утром — это грех — парировал Дробышев.

— Да, погуляли мы с парнями знатно. Давно такого Нового года не было.

— Видишь, как я удачно. А где мы?

— На борту, в дружественной стране — улыбнулся полковник — расслабься.

— Вечно у вас военных тайны. Я что не слышу, как на суахили говорят? Значит восточная Африка. Судя по расположению звезд и времени суток мы в...

— Ещё одно предположение и тебя высадят за плохое поведение. Сейчас нам кое-что принесут. Я

с местными договорился.

— Пальмовое вино «mnazi» или пиво из маиса «whawha»?

— А ты, смотрю, знаток.

— Помотаешься с моё, не такое знать будешь.

— Нет, я попросил местного кофе. Говорят он просто божественный.

— А вот это правда. Кстати на станции шикарная кофе-машина. Хорошо, что берешь кофе, там оно лучше всех антидепрессантов. А сам-то надолго?

— Сложно сказать. После фейерверка что я увидел на орбите, мне очень хочется найти того кто это сделал. А если бы станция была пилотируемая? Это фактически акт агрессии. Война!

— Представляю заголовки газет: «Пингвины атаковали орбитальную станцию неизвестным оружием» или «Мировой заговор тюленей».

— Я рад, что ты спокойно воспринимаешь тот факт, что кто-то разрушил многолетний труд ученых всего мира. Но речь идет не об этом. А что если там действительно что-то есть и у этих парней большие планы на Землю. Имея такое оружие, они в считанные минуты станут мировыми диктаторами.

— Плющ, ты не обижайся, но мне иногда кажется, что вам в армии мозги пересаживают. Никто на нас нападать не собирается.

— Откуда такая уверенность? И зачем ты летишь туда? Мне вообще сказали оказывать тебе всяческое содействие, но не сказали зачем.

— Удивительный ты человек, а ещё полковник. Ты мне про страну, в аэропорту которой мы стоим, ничего сказать не можешь, а я тебе обо всех своих планах должен всё как на бумаге выложить.

Неизвестно чем мог закончиться разговор, если бы в салон не зашел двухметровый африканец в военной униформе, судя по званию майор.

— Сэргэй, сколько лэт не выдэлыс, — расплылся абориген в белозубой улыбке, — вот кофэ, што я обэшал.

Старые друзья обнялись и вышли покурить из самолета на взлетную полосу. Из открытой двери пахло запахами саванны и сухим, жарким воздухом.

— Как его будет не хватать там куда они летят — подумал физик.

Подлетая к месту, все были утомлены перелетом. Самолет, забитый научным оборудованием и людьми, старался изо всех облететь циклон. Емельянова, до смерти боялась летать, несмотря на то, что риск катастрофы был минимален. Уже давно прошли те времена, когда самолет мог упасть или не сработать управление. Антигравитационные установки делали такое

невозможным, а современная навигационная аппаратура не могла выйти из строя даже при прямом попадании молнии в фюзеляж. Тем не менее, турбулентность можно было только снизить, но не устранить раз и навсегда. Поэтому всякий раз, когда самолет «махал» крыльями под натиском плотных слоев атмосферы, гений инженерии проклинала сопромат и геофизические особенности южных широт.

Антарктида встретила экспедицию ярким солнечным светом. Всей группе сразу были выданы черные очки и гигиеническая помада. Без этих двух вещей в Антарктиде находиться не стоит. Интенсивность солнечного света над шестым континентом намного превышает обычную для европейца, а озоновая дыра над головой усугубляет пагубные последствия нахождения в этих широтах. Как будто всё здесь говорит о том, чтобы человек держался отсюда подальше.

Первые два дня ушли на изучение обстановки и благоустройство. Сколько понадобится времени на «изучение новых обстоятельств инцидента» никто не знал. Именно под таким предлогом Дробышев и Емельянова прибыли на южный полюс. Военные то и дело вгрызались в лед и в грунт в поисках атаковавших станцию неизвестных врагов. Но никаких признаков инородных объектов или присутствия чужеродных существ обнаружено

не было. Но так как в армии пессимизм заменяет приказ, «специалисты» просто придумывали где «копать» в очередной раз или совершать облёт прилегающих территорий. Вечером станция превращалась в преферанс-клуб, где в столбах дыма слышался непревзойденный стиль передачи информации о том, какого... копать тут и чья мать в этом виновата.

В ночь перед оговоренной датой к академику явился Модератор. В свойственной ему манере он детально объяснил, во сколько и куда добираться. С собой он попросил взять только Анелину.

Утром, профессор и инженер сели на «Багратион-5» и выдвинулись в указанном направлении. Перед выездом Иван Данилович сделал ещё раз запрос по геоданным местности. На мониторе «Багратиона-5» всплыла информация:

«Станция Новолазаревская (70° 49' 22" ю. ш., 11° 38' 37" в.д.) расположена на крайней юго-восточной оконечности оазиса Ширмахера (Земля Королевы Мод), 80 км от берега Южного океана (моря Лазарева). К северу от станции — шельфовый ледник с волнистой поверхностью, заканчивающейся ледниковым куполом Ленинградским. С юга — склон материкового ледникового щита, который на расстоянии 50 км достигает высоты 1000 м. На этом склоне надо

льдом возвышается несколько нунатаков¹. Оазис представляет собой участок коренных пород, вышедших на поверхность на границе между материковым ледником и шельфовым ледником Лазарева. Длина оазиса составляет около 17 км, он вытянут узкой полосой, шириной до трех километров в направлении с запада-северо-запада на восток-юго-восток.

Морфометрические характеристики оазиса Ширмахера приводятся ниже:

- оазисный район (площадь, км) — 1000
- общая площадь, км — 35
- основной массив, км — 31
- озера-лагуны и морские заливы, км — 3
- коренные породы, км — 27
- снежники и внутренние ледники, км — 3
- озера, км — 2
- высота, макс., м — 228».

Точка встречи находилась на оконечности полигона, примыкающей к оазису. Скутер шел уверенно по введённым координатам. Дежурному по станции ученые сказали, что это рутинная

---

¹ Нунатак — полностью окружённый льдом скалистый пик, горный гребень или холм, выступающий над поверхностью ледникового покрова или горного ледника. Нунатаки типичны для периферийных районов Антарктиды. Служат убежищем для растительности в ледниковых областях.

поездка, но на всякий случай отключили систему слежения. Дробышев не хотел чтобы им помешали.

Прибыв на место, исследователи поставили машину в дежурный режим, не позволяющий механизмам замерзнуть, а салону остыть. Перед ними открылась красивая панорама на купол Ленинградский, а рядом на ровную площадку, упирающуюся в выступающий горный массив нунатак. Именно туда наши герои и отправились.

Навигатор показывал, что они на месте. Дробышев и Емельянова стали оглядываться по сторонам в поисках Модератора. Тот появился из неоткуда. Было ощущение, что прямо из скалы.

— Здравствуйте, Иван Данилович! — улыбаясь, поприветствовал гость из снов.

— Здравствуйте, Анелина Павловна! — обернувшись к инженеру, повторил он приветствие.

Емельянова делала огромные усилия над собой, чтобы не стоять с открытым ртом и выпученными от эмоционального шока глазами.

Их собеседник был не совсем воплоти. Скорее это была очень четкая и «плотная» проекция, с идеальной картинкой, но всё же проекция. Стильный черный костюм, туфли и аккуратная прическа, были ярким контрастом к окружающему холоду и снегу. Анелина, машинально, чисто по-женски, оценив свой образ в обмундировании полярника, сделала все что могла, поправила

волосы и глупо улыбалась.

— Здравствуйте! — ответили ученые и замерли в ожидании дальнейших действий.

— Прошу не удивляйтесь такому виду, я не могу быть в таком же физическом состоянии как вы. Поверьте, даже такой облик требует больших усилий. Прошу за мной — сказал Модератор и пошел прямо на скалу.

— Да, конечно — кивнули гении науки ему в ответ. Что тут непонятного, Модератору трудно быть в таком же состоянии как мы.

— Ничего что у меня сейчас сердце остановиться от страха, — прошептала Анелина Ивану.

— Не время для остановки, иди уже, — подтолкнул тот женщину вперед, по-джентельменски.

Модератор прошел сквозь скалу и исчез. Понимая, что для голограммы это не проблема, ученые выставили вперед руки и пошли за ним. Но препятствие и для них было лишь визуальным.

«Пройдя» примерно десять метров породы они оказались в светлом помещении с несколькими шлюзами. На дверях были написаны непонятные знаки, горели индикаторы и всё показывало, что станция находится в рабочем состоянии. Даже воздух в помещении был свежим. Их спутник указал рукой на шлюз, предлагая зайти в

транспортный модуль. Все расселись по сторонам, дверь автоматически закрылась и только легкая звуковая вибрация говорила о том, что они движутся. Окон у шлюза не было, но спутники ощущали, что направляются вниз. Спустя несколько минут шлюз открылся и взору ученых предстал зал колоссальных размеров. Конца зала видно не было, а боковые стены отстояли друг от друга на расстоянии примерно километра три.

В центре, в виде колонн стояли установки, напоминающие энергетические накопители. Персонала нигде не было, но установки функционировали. Об этом свидетельствовала подсветка определенных частей колонн и периодические всплески энергии на датчиках Дробышева.

Но спустя несколько мгновений, оба ученых застыли в полном изумлении. Два межгалактических крейсера неизвестной расы стояли в ангаре, поражая воображение изысканными формами и расцветкой.

— Мы сейчас пройдем в сектор автоматической защиты. Там и поговорим. — Модератор пригласил спутников зайти на парящую платформу у края площадки.

Ошеломленные ученые послушно пошли за ним, разглядывая всё по сторонам.

Платформа плавно тронулась между колонн,

но противоположной стороны зала так и не было видно. Мимо проплывали сотни объектов внеземной инфраструктуры. Огромное количество механизмов и боксов находилось внизу. Они были строго упорядочены и создавалось ощущение, что их хозяева только что вышли отсюда, буквально пять, десять минут назад. От этого становилось жутко. Через минуты три к их платформе приблизилась другая. Два андроида, стоявшие на ней, не обращали на прибывших никакого внимания. Поравнявшись с платформой людей, платформа с роботами остановилась и пошла вниз.

— Вам нечего бояться. Здесь вы в полной безопасности, — читая их страхи, сказал Модератор — я ввел необходимые коды ещё на входе, идентифицировал ваши ДНК и теперь станция воспринимает вас как своих сотрудников. Иначе эти роботы давно бы вас распылили.

— Как нашу станцию на орбите?! — напомнил профессор собеседнику.

— Как вашу станцию на орбите, — как ни в чем не бывало, безэмоционально, ответила голограмма.

— Но как вы можете что-то вводить или передвигать? Вы же бесплотный, — спросила Емельянова.

— Например, так, — сказал Модератор и протянул руку в её сторону.

Инженер зависла в воздухе над платформой и завизжала от неожиданности.

— Анелина Павловна, успокойтесь, — опустил её Модератор, — прошу вас, пока я с вами, вам ничего не грозит, даже если начнется Апокалипсис. А вы такой ерунды испугались.

— Ну, знаете, левитация для людей пока не доступна.

— Зря, полезная штука — без иронии сказал их спутник.

— Чувствую себя собакой Павлова, хотя кого я обманываю, муравьем, — прошептал профессор.

— После увиденного, думаю, что до состояния муравья нам ещё долго эволюционировать, — шепотом ответила коллега.

— Вот мы и на месте, — сказал Модератор, когда платформа пришвартовалась к открытому коридору. А конец зала все ещё уходил в темноту.

Пройдя несколько десятков метров, троица оказалась в просторном помещении с несколькими пультами управления и голографическими экранами. При появлении людей, всё автоматически включилось и на индикационных экранах поплыла информация. Странные письма и знаки ровно ничего не подсказывали ученым. Но было красиво, что тут скажешь.

— Друзья, позвольте мне вас так называть, — начал Модератор, — это центр управления

безопасностью станции. Отсюда была автоматически сформирована команда на атаку вашего космического аппарата. Я пригласил вас, чтобы вы мне помогли понять причину сбоя. По всем нашим расчетам, реликтовое излучение, присутствующее во всех уголках вашего мира, попросту никак не должно быть причиной. Это равносильно ситуации, когда ваши танки вдруг сработали бы на окружающий их воздух и начали палить куда попало. Нонсенс.

— Вот так просто? Пришли, увидели и помогите? — профессор не знал, за что хвататься, — да я себя чувствую тараканом в академии нанотехнологий. Чем мы Вам можем помочь? Помыть здесь полы?

— Не стоит недооценивать себя, — спокойно сказал Модератор, — это всего лишь инопланетная база, созданная существами из вашего мира. А значит принципы работы здесь заложены аналогичные вашим, но разве что чуть на более высоком уровне. Главное физика процесса одинаковая. Чтобы понимать, что здесь написано и как это работает, я с вашего позволения могу модифицировать ваш разум и задать необходимые языковые параметры. Как любой компьютер — мозг программируется, прошивается, модернизируется и с ним можно работать по ускоренной программе. Это никак не повлияет на

вашу ментальность и социальные навыки, просто адаптирует умственные способности к конкретным условиям работы на этой базе.

— А по ускоренной программе это сколько времени займет? — спросил физик.

— Ты что, согласишься на изменение собственных мозгов?! — смотря ему в глаза, спросила Емельянова.

— Не на изменение, а на модификацию — ответил за профессора Модератор, — займет это несколько дней, плюс работа здесь, в общем, недели две, три.

— Подождите, но нас будут искать снаружи, мы даже маяк отключили, поднимется паника, тревога, — Дробышева уже не волновали аспекты потери самоидентификации, у него явно в голове был свой план.

— Не будут. Внутри базы своя временная парадигма, иначе говоря, здесь время движется по задаваемым параметрам. Я выставил режим замедления и посему на поверхности пройдут секунды, а здесь годы, никто и не заметит, что вы куда-то исчезли. А про две три недели и говорить не приходится, вообще пшик.

— Вы шутите, разве такое возможно? — изумился Дробышев.

— Странно слышать такой вопрос от

человека, изучавшего сингулярность² черных дыр — улыбнулся Модератор — и на счет юмора... у меня его нет в вашем понимании. Если я говорю что определенные вещи, события, явления имеют данные характеристики, то так оно и есть.

— Но почему вы сами не выясните всё? Вы же практически всемогущи по земным меркам — спросила инженер.

— Потому что в вашем мире исправлять ошибки, модифицировать, развивать и вообще изменять ход событий может только представитель вашей Вселенной, т. е. вы или хозяева этой базы. Но так как последние исчезли несколько столетий назад путем самоуничтожения, то спросить некого. Инструкции есть, я их все прочитал, изучил, но там ни слова о влиянии реликтового излучение на оборудование. Поэтому кое-что надо доработать. Я не имею права, вы можете. Доработаете, спасете не только ваши исследования, но и многое в вашей Вселенной.

— У нас миллиард вопросов. Я бы хотел получить ответы взамен на наше согласие и помощь — Иван был решителен и азартен.

---

² Трактовки понятия «Сингулярность»: первая — это точка, в которой что-то стремится к бесконечности; вторая — граница, за которой предсказания модели становятся бессмысленными (Алан Тьюринг).

— Имеете право. Ваши требования законны. Я расскажу вам всё, о чем спросите. О чем не спросите, не расскажу. Договорились? — голограмма протянула руку профессору.

— По рукам — ответил тот и на удивление пожал руку Модератору.

— Позвольте, ну как, вы же сказали..., — начала было Анелина.

— Из любого правила есть исключение, — отмахнулся Модератор, — а теперь прошу пройти со мной в медицинский отсек, я подготовил для вас по моим представлениям комфортные условия для проживания и послеоперационного периода после модификации разума.

— А больно не будет? — спросила Емельянова.

— Больно будет только морально и в том случае, если не попробовать и упустить такой шанс, — Модератор был серьезен.

Емельянова показала ему язык в спину.

— Я видел, — сказала голограмма.

— Извините, — покраснела инженер.

Вход в медицинский отсек проходил через широченный коридор, по краям которого находились емкости с телами непонятного рода существ. Похожие на заспиртованных животных в лабораториях зоологов, только вместо спирта они парили в прозрачных белых колбах, а внизу под

каждым экспонатом высвечивалась надпись по мере приближения посетителя.

— Действительно, ничего человеческого этим пришельцам не чуждо, — подумал профессор.

— А я о чем говорил, — прозвучал голос Модератора в голове Дробышева.

— Вы обладаете телепатией?

— Не устаю удивляться постановке человеческих вопросов. А в Киеве мы как с вами общались?! — голограмма даже головы не поворачивала в сторону ученых.

— Всё очень необычно и я чувствую себя аспирантом, попавшем в серьезную лабораторию — физик имел основания полагать, что его знания тут вряд ли помогут, но надеялся быть полезным в любом случае.

— Спасибо что согласились, Иван Данилович, об остальном не стоит беспокоиться. У нас нет цели достичь результата во чтобы то ни стало. Мы делаем попытку, главное не стоять на месте — опять прозвучало в сознании академика.

— Ну, вот мы и пришли, — Модератор остановился перед автоматически открывшимся медицинским отсеком, — ваши комнаты для отдыха. Там есть все необходимое, включая воду и питание. Одежда для Вас подходящая тоже есть. На столе в ваших комнатах лежат персональные

гаджеты в виде наручных часов. Прошу их надеть на правую руку. Через тридцать минут жду вас в лаборатории, она прямо перед нами. Не будем терять времени и приступим к модификации как можно скорее. Уверен, вам хочется преодолеть языковой барьер и обладать знаниями, позволяющими разобраться во всем. До встречи.

Форма, предложенная Модератором, была четко по размеру и удобно прилегалась к телу. Приборы на правой руке представляли плоский черный экран на браслете. Как только люди их надели, экран засветился тусклым зеленоватым цветом и на нем появились данные на языке пришельцев.

Емельянова и Дробышев сделали шаг в лабораторию и оцепенели. Помимо Модератора в лаборатории стояли ещё двое, мужчина и женщина. На них была такая же одежда, как и на людях.

— Здравствуйте, — в один голос сказали ученые.

— Здравствуйте, — в один голос ответили незнакомцы.

Модератор обернулся на звуки приветствия и жестом пригласил пройти к двум лабораторным столам, похожим на саркофаги.

— Познакомьтесь, Лекса и Модо, ваши андроиды, — спокойно сказал Модератор.

— Кто?! — опять одновременно сказали

ученые.

— Роботы-помощники. Вы пробудете на базе определенное время, они будут за вами присматривать. В мои обязанности входит несколько больше, чем быть нянькой двум гениям с планеты Земля. Поэтому я взял на себя смелость обзавестись разумной прислугой.

— Чур, мне Лексу, — выпалил Иван и закрыл рот руками, спохватившись.

— Я тебя точно когда-нибудь прибую, — скрипя зубами, сказала Емельянова, — Лекса, вы будете работать со мной.

— Поняла, — сказала Лекса чудесным бархатным женским голосом и подошла к Анеле.

— Ну, что, Модо, будем знакомы? — Дробышев протянул руку своему андроиду.

— Можете на меня положиться, Иван Данилович, — серьезно ответит искусственный интеллект.

— Ну, раз мы определились с нюансами, прошу землян лечь вовнутрь медицинских капсул. Процедура будет происходить в состоянии анабиоза с перерывами для предоставления мозгу возможности отдохнуть. Вы будете видеть необычные сны во время такого обучения, а мы с ребятами будем следить за процессом. Через три дня увидимся и поговорим уже на их языке, — Модератор показал на голографический экран, по

которому снизу вверх бежали непонятные символы — сладких снов друзья и ничего не бойтесь. Да, питание будет происходить через инъекции... Хотя, вам лучше не знать. В общем, с голоду не умрете. Меню стандартное: углеводы, белки, витамины. До встречи.

Андрюиды дали выпить своим новым хозяевам какое-то приторно сладкое зелье, подсоединили тела к датчикам и синхронизировали программы на наручных «часах» с внешним контуром показателей. «Саркофаги» закрылись и последнее что люди увидели сегодня — белоснежные улыбки своих подопечных, Лексы и Модо.

Глава 4. День четвертый

Локация: База пришельцев, Антарктида.

Гиперсон прошел на ура. Таких видений ученые не видели за всю свою жизнь. Их сознание носилось от одного звездного скопления к другому, сменялись чередой понятия и мир новых открытий хлынул на них нескончаемым водопадом. Приобретенные знания пробили брешь в их жизненных догмах и они готовы были принимать любую информацию с максимально возможной непредвзятостью на планете Земля. Предположение что их миропонимание не измениться, по

утверждению Модератора, оказалось несколько скоропалительным. Огромное количество «незыблемых» понятий канули в Лету. На их место пришли новые. Шкала ценностей рядового землянина оказалась курячим насестом по сравнению с новыми взглядами на устройство Вселенной. И это всего лишь последствия освоения инопланетного языка. Ученым не предоставляли возможности изучения новых технологий или физических параметров существования в иных мирах.

Очнулись двое землян в своих комнатах отдохнувшими и полными сил. Видимо тот коктейль, что им давали, содержал сбалансированные энергетика. Андроиды молча и послушно стояли над изголовьем, ожидая команды.

— Модо, как всё прошло? — сказал профессор, сонно потягиваясь и посмотрел на свой индикатор. Прибор подсветился и выдал информацию бегущей строкой:

«Состояние стабильное, давление 126 на 83, биологические процессы стабилизированы. Время на поверхности 13.17...»

— О, судя по показаниям, всё отлично, — обрадовался физик.

— Так и есть, Иван Данилович, вас ожидают в центральной аппаратной, — Модо говорил уверенно и без эмоций.

Только тут Дробышев понял, что он общается на языке пришельцев и их лексика стала для него родной. Эмоции захлестнули ученого и он выбежал в коридор прямо в пижаме, если это можно было так назвать.

— Дробышев, а тебе идет, — раздался за спиной голос Анелины.

Коллега разговаривала на языке создателей базы и была весьма этим довольна. Её глаза сияли радостью. Встала она пораньше, была одета в новую униформу и выглядела просто космически.

— А кто-то сомневался делать ли модификацию, — съязвил гений физики.

— Ты видел, какие у них города?! — чуть громче обычного сказала Анелина.

— Видел, и какие города, и какие корабли и что такое гиперпрыжок и что такое, как они его называют « $\dot{y}\dot{z}\dot{c}$ $\dot{y}\dot{z}\dot{c}$ ».

— «Проекция будущего опыта» называется нашим языком, когда включают время на ускорение в замкнутом пространстве типа нашей базы, оставляют андроидов и получают результаты многолетних опытов, в том числе данные наблюдений над живыми неразумными организмами, проживающими жизнь за мгновение. Жуть и в тоже время потрясающе! — Емельянова только в ладоши не хлопала, — И оденьтесь, наконец, профессор, на вас смотрит вся Вселенная.

— Да, нас ждут, уже бегу.

До центральной аппаратной ученые добрались без проблем. Вокруг было все понятно и просто. Каждая надпись как родная, а с управлением платформ и прочего оборудования справился бы ребенок. День предстоял удивительный.

Модератор встретил их посреди светлого зала с отсеками, отделенными друг от друга весьма условно. Одни были на возвышении, другие уходили узкими коридорами в переборки, были даже рабочие места и мониторы на потолке. О физиологических параметрах обслуживающего персонала можно было только догадываться.

— Приветствую вас, друзья — Модератор был в духе, если учесть что настроение не присуще этому существу.

— Доброе утро! Приветствую! — ученые всё ещё находились в полной эйфории от своих возможностей.

— Рад сообщить вам, что ваши организмы в полном порядке и наложение матрицы прошло успешно — голограмма подошла ближе и разглядывала людей пристальней.

— Так вы называете данный процесс? Матрицы чего? — спросил Дробышев.

— Матрицы сознания цивилизации № 0745638 по моему каталогу, создателей базы или как её называют в этой галактике — Триниксы.

Триниксианцы пали жертвой собственной неосторожности. Они были уничтожены вследствие неудачного опыта по сжатию времени и пространства. Искусственная сингулярность, созданная на их родной планете, разорвала их в клочья. Остатки колоний на других планетах так и не смогли восстановить цивилизацию. Сейчас эта база общее достояние всех рас и имеет статус нейтральной территории, подобный статусу Антарктиды для землян.

— А назначение базы сейчас какво? — вступила в разговор Емельянова.

— База многофункциональна. Задуманная как форпост коммуникаций и исследований для целей союза Триникса, она способна переносить объекты отсюда практически во все точки этой Галактики, а также во все другие, заключившие когда-то с Триниксом договор о мире и сотрудничестве. Станция обслуживается автоматически, но посещается регулярно теми или иными цивилизациями. Лаборатории используются для исследований, стоянки звездолетов для ремонта, дежурные летательные аппараты для изучения местных созвездий и межзвездного пространства.

— А как же люди? Почему мы на собственной планете не допущены к этим знаниям и возможностям?

— Потому что, уважаемая Аелина Павловна,

уровень развития человеческой цивилизации не позволяет считать вас полноправной космической расой. Как это не обидно звучит, но скорее всего эти технологии вы используете для уничтожения себе подобных. Тем более ни о каком совместном использовании базы при вашем уровне жадности и бюрократии не может быть и речи. Поэтому вас проще держать в неведении, чем обучить манерам.

Доводы Модератора звучали неприятно, но ученые понимали, он прав.

— А кого представляете вы? — профессор смотрел прямо в «глаза» голограмме — как я понимаю, вы не триниксианец. Какую цивилизацию представляете вы?

— Никакую. Я сразу сказал вам, что я не из вашего мира.

— Но вы, вернее ваша голограмма здесь. Вы пытаетесь нашими руками повлиять на события, получаете информацию, воздействуете на материю, в конце концов, вы открыли для двух землян мир табу, подняли завесу запретного. У вас есть на это полномочия? Что тогда вы здесь делаете? Вы Модератор чего? — профессор говорил эмоционально.

— Профессор, что вы знаете о теории большого взрыва³?

---

³ Большой взрыв — общепринятая космологическая

— Это общеизвестная теория, что наша Вселенная появилась после большого взрыва частицы, находящейся в сжатом состоянии с бесконечно огромной массой и гравитацией, что до взрыва не существовало ничего, ни пространства, ни времени, ничего, в общем. После взрыва Вселенная переходила из одного состояния в другое, формировались галактики, созвездия и туманности. Что вселенная расширяется и это порождает всё больше и больше теорий о дальнейшей её судьбе.

— А Вы сами как трактуете концепцию, что до взрыва ничего не существовало? Вам не кажется что это, по крайней мере, нелогично?

— Но наши теоретики ничего на этот счет не придумали. Я уже понял, что достижения науки у землян, даже в сравнении с цивилизацией Триникса мизерны. Хорошо, что хоть так обосновали. А что вы скажете по этому поводу? — голос Дробышева

модель, описывающая раннее развитие Вселенной, а именно — начало расширения Вселенной, перед которым Вселенная находилась в сингулярном состоянии. Обычно сейчас сочетают теорию Большого взрыва и модель горячей Вселенной, но эти концепции независимы и исторически существовало также представление о холодной начальной Вселенной вблизи Большого взрыва. Именно сочетание теории Большого взрыва с теорией горячей Вселенной, подкрепляемое существованием реликтового излучения и рассматривается далее. — Википедия.

не мог скрыть его безграничного любопытства.

— Начнем с того, что вы называете Вселенную бесконечной. А раз так, то, бесконечность не имеет не только конец, но и начало, иначе... — Модератор улыбнулся.

— Я понимаю, но разве существует объяснение, что было до взрыва и как появилась наша Вселенная?

— Разочарую вас профессор, разумеется, существует. Ещё две недели назад вы понятия не имели даже о моем существовании, не говоря уже об этих примитивных технологиях — Модератор повел рукой вокруг.

Дробышев закашлялся и переглянулся с Емельяновой.

— Что тогда о нас говорить? — шепотом сказал он ей.

— Так вот — продолжила голограмма — что ещё во Вселенной вам кажется необъяснимым? Хотя вы обнаружили, что это нечто имеет массу и влияет на общую гравитацию, что это нечто влияет практически на все аспекты движения галактик и будущее вашего мира, но никакими приборами не фиксируется, что оно заполняет вашу Вселенную на семьдесят пять процентов, но вы не в состоянии определить ни единого параметра этой сущности. Хотя яркий пример взаимодействия этой сущности у вас перед глазами и вы профессор лично не раз

давали блестящие идеи по определенным аспектам существования этого явления.

— Вы про темную материю⁴? Ну, конечно, я знаю о её существовании. Её обнаружили именно по изменению гравитации и вычислили, что масса видимой Вселенной значительно превосходит сумму масс всех наблюдаемых объектов. Именно так и появилась теория темной материи. А та в свою очередь порождает темную энергию⁵,

---

⁴ «Тёмная материя в астрономии и космологии, а также в теоретической физике — гипотетическая форма материи, которая не испускает электромагнитного излучения и напрямую не взаимодействует с ним. Это свойство данной формы вещества затрудняет и, возможно, даже делает невозможным её прямое наблюдение». — Википедия.

⁵ Тёмная энергия в космологии — гипотетический вид энергии, введённый в математическую модель Вселенной ради объяснения наблюдаемого её расширения с ускорением.

Существует три варианта объяснения сущности тёмной энергии:

1. Тёмная энергия есть космологическая константа — неизменная энергетическая плотность, равномерно заполняющая пространство Вселенной;

2. Тёмная энергия есть некая квинтэссенция — динамическое поле, энергетическая плотность которого может меняться в пространстве и времени;

3. Тёмная энергия есть модифицированная гравитация на расстояниях порядка размера видимой части Вселенной. — Википедия.

влияющую на движение галактик и все динамические процессы во Вселенной. Иначе нам просто было не объяснить, почему объекты так себя ведут. А черные дыры, о которых вы упомянули — действительно по моим предположениям ничто иное, как сгустки этой самой темной материи. Но какое отношение это имеет к большому взрыву?

— Самое прямое, профессор. Именно из-за ваших исследований и отчасти правильных выводов вы сейчас здесь. Поэтому вы первый человек, с кем я встретился. Я готов открыть вам то, что пока на Земле является тайной за семью печатями. Усаживайтесь удобней вон там, это отсек для гуманоидных рас, а значит подойдет и вам.

Земляне расположились в уютных креслах, которые к их удовольствию самопроизвольно «подстроились» под их габариты.

— Иван Данилович, что произойдет, если столкнутся частица материи и частица антиматерии?

— Это известно всем. При взаимодействии антиматерии и обычной материи происходит процесс аннигиляции, который сопровождается образованием высокоэнергичных фотонов или пар частица-античастица. Согласно подсчетам при взаимодействии материи массой один килограмм с антиматерией такой же массы произойдет выделение примерно $1.8 \cdot 10^{17}$ в степени 10¹⁷

энергетических джоулей, что сопоставимо с энергией, выделяемой во время взрыва почти сорока трех мегатонн тротила.

— А если две эти частицы столкнут друг с другом на скорости света в вакууме? — продолжил Модератор.

— Насколько мне известно, впервые физикам удалось поймать на короткое время атомы антивещества в ловушку в 2010 году. Это стало возможным, когда ученые охладили облако, содержащее в себе около тридцати тысяч антипротонов до температурного уровня минус 73,15 градуса по Цельсию, а также облако с двумя миллионами позитронов внутри до температуры в минус 233,15 градуса по Цельсию.

Физики охлаждали антиматерию в ловушке Пеннига, что встраивалась в ловушку Иоффе-Питчарда. В итоге всего было поймано тридцать восемь атомов, удерживаемых на протяжении 172 миллисекунд. Но, Модератор, условия, о которых вы говорите невозможны. Мало того, что синтезировать необходимый материал требует не только колоссальных затрат, но и отчасти везения, так ещё и разогнать античастицу необходимо в адронном коллайдере, состоящем из антиматерии. То есть это даже теоретически невозможно!